деловой практики) предшествует складыванию автобиографического метода раскрытия действительности как одного из способов создания иллюзии достоверности.

В древнерусской литературе иллюзия достоверности достигалась преимущественно документализмом изложения (введение прямой речи, свидетельств очевидцев и т. п.). Для того чтобы получить признание достоверности свидетельства о себе самом, автор вынужден сам в свою очередь документировать свои поступки, оценку самого себя, свои психологические переживания. Примеры подобного документирования мы находим и в «Поучении» Мономаха (письмо).[58] В течение нескольких веков автобиографизм был одним из тех элементов реалистичности, которые, по наблюдению Д. С. Лихачева, «появились в литературе и вновь исчезали, не составляя своей стилистической системы, не сформируясь в какой-нибудь особый художественный метод».[59]

Наличие автобиографических материалов, рассеянных в произведениях разных жанров, не превращает их в автобиографию. Рождение жанра происходит только тогда, когда автор-рассказчик становится из свидетеля главным действующим лицом повествования, героем, вокруг которого последнее строится. Д. С. Лихачев считает, что автобиографический жанр «обобщает явления собственной жизни писателя».[60] «Поучение» Владимира Мономаха во всех своих частях подходит под это определение и вместе с тем дает нам возможность внести в него некоторые уточняющие детали.

Как мы видели, в «Поучении» Мономаха стимулом к «обобщению явлений собственной жизни» явился психологический конфликт автора с самим собой и с близкими ему по семейным узам людьми. Конфликт этот является отражением тех глубоких социальных, политических и этических противоречий, которые захватили в его время русское общество и в конечном счете поставили страну перед жестокими испытаниями. Представляет ли отмеченный нами конфликт особенность только «Поучения» Владимира Мономаха?

Насколько нам удалось заметить на примере автобиографических памятников древнерусской литературы, стимулом к «обобщению явлений собственной жизни» здесь, как правило, является именно политическая, социальная или нравственная коллизия.[61] Жизненная коллизия создает тот своеобразный сюжетный стержень, который и становится основным мотивом повествования (даже в том случае, если коллизия лежит за пределами последнего и лишь подразумевается или конструируется на основании косвенных данных читателем). В ее присутствии мы видим одно из основных отличий автобиографии как жанра от всех других

или незрелость своего времени, как описание собственной жизни. Здесь человек, сознательно или бессознательно, говорит непосредственно как дитя своего времени. Вместе с тем автобиография передает с той же непосредственностью и отношение человека к своему времени» (W. Mahrholz. Das Selbstbekentniss. 1919, S. 8).

[58] А. Л. Ордин-Нащокин с этой целью приводит фрагменты из царских грамот, где дается общая оценка его как человека. Психологические переживания чаще всего документируют молитвы, псалмы и т. п. (см.: «Поучение» Мономаха, автобиографические материалы А. Л. Ордина-Нащокина, Послесловие к львовскому Апостолу Ивана Федорова и т. п.).

[59] Д. С. Лихачев. Человек и литература древней Руси, стр. 173.

[60] Там же, стр. 133; ср.: W. Mahrholz. Das Selbstbekentniss, S. 9.

[61] Например, конфликт с царем и «дурными» дьяками у А. Л. Ордина-Нащокина; у Ивана Федорова — с «начальниками», «священноначальниками» и «учителями», «которые на нас зависти ради многия ереси умышляли»; у Курбского — с Иваном Грозным; у Аввакума и Епифания — с церковными властями и царем; у Софрония Врачанского — с турецкими поработителями, и т. п.